

### Очерк 3

## **«ЖИТЬ СТРАШНО»: ЧТО ВОСПРИНИМАЛОСЬ ОЧЕВИДЦАМИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ПУГАЮЩЕЙ ЖЕСТОКОСТИ?<sup>123</sup>**

### **ЧЕМ ПРАПОРЩИКИ БОРИСОВ И АРБУЗОВ НАПУГАЛИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ ТОЙКИНО И КУЯШ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ**

В августе 1917 г. по наущению Ваганова, священника и по совместительству волостного комиссара села Тойкино Сарапульского уезда Вятской губернии, команда из 22 солдат во главе с прапорщиком Борисовым избила нагайками местных крестьян, обвиненных в незаконном изготовлении кумышки — самогона, распространенного среди вотяков. Жалоба крестьян из Тойкино дает представление о том, с какой жестокостью была проведена эта экзекуция:

Всего избито около двадцати человек, причем некоторые были биты до потери сознания. Шесть женщин, наказывая, позорно оголяли, секли до испражнения. Жить страшно. До приезда прапорщика Борисова с солдатами никаких волнений в Тойкине не было. Просим распоряжения не принимать таких жестоких мер<sup>124</sup>.

Эта экзекуция, неудачно интерпретированная в научной литературе как доказательство перехода Временного правительства после июльских событий 1917 г. в Петрограде к «широкомасштабной репрессивной кампании, направленной прежде всего против радикальной части общества»<sup>125</sup>, была на самом деле одной из мер борьбы с самогоноварением, принявшим на Урале в связи с новым урожаем характер массовой эпидемии. Прапорщик Борисов, командовавший этой акцией, за применение телесных наказаний был отозван и предан суду<sup>126</sup>.

Второй случай, который, на мой взгляд, тоже может быть использован для быстрого введения читателя в рассматриваемую в этом очерке проблематику, произошел более чем годом позже, в октябре 1918 г., вскоре после того, как на Средний Урал на смену большевикам пришли их противники. Прапорщик Арбузов, комендант села Куяш Екатеринбургского уезда Пермской губернии, в первый свой приезд в село Тюбук без всякой причины выпорол нагайкой председателя местной волостной земской управы. Этот и аналогичные поступки привели к отстранению Арбузова от должности 18 сентября, однако он не подчинился отставке и сложил полномочия лишь 4 октября, уехав через два дня в Челябинск. Накануне его отъезда в Куяше разыгралась трагедия: отставной комендант самочинно казнил семерых арестованных. Вечером 5 октября он в нетрезвом состоянии пришел в арестантское помещение, где было заперто восемь башкир, и приказал приготовить подводы для отправки их в Челябинск, что было понято арестованными как приготовление к их расстрелу. Единственный спасшийся от расправы арестант позднее сообщил, что Арбузов заходил к ним еще днем и пригрозил, что «ночью им будет могила». Не видя иного способа спастись, перепуганные арестанты забаррикадировались в помещении, заложив дверь скамьей. Вечером в ответ на отказ открыть дверь прапорщик стал стрелять в нее и собирался бросить в помещение ручную гранату. Затем он приказал трем милиционерам взломать дверь топором. Когда она не поддавалась, была разрушена перегородка с соседней камерой, и одному из арестованных были нанесены два удара топором по голове. Затем озверевшие «стражи порядка» пороли башкир до потери сознания, били прикладами ружей, после чего Арбузов каждую жертву несколько раз поколол шашкой. После жуткой расправы бывший комендант отправился домой на прощальную вечеринку<sup>127</sup>. Подробное, леденящее кровь изложение материалов дела сопровождалось следующим резюме:

...все население Куяшской волости, в том числе и представители местного самоуправления, были настолько терроризированы диктаторскими действиями прапорщика Арбузова, что не смели не только протестовать, но и просто жаловаться, из опасения быть немедленно расстрелянными без суда и следствия<sup>128</sup>.

Эти два события имеют самое прямое отношение к теме, предлагаемой читательскому вниманию. Во время Гражданской войны Урал, как и немногие другие регионы России с подвижными линиями фронтов, стал зоной наиболее интенсивного применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жестокостью. В отношении Урала сложно проводить демаркационную линию между белым и красным террором, исходя из принципов его организации. Напомню, что все противостоящие стороны казались населению на одно лицо, поскольку использовали один и тот же репертуар насильственных практик: взятие заложников, массовые обыски и аресты, бесконтрольные реквизиции, пытки, немотивированные убийства. Военные и политические противники сталкивались не только друг с другом, но и с деструктивными способами выживания населения, не доверявшего ни одному из сменявших друг друга режимов. Это делало бесполезными нормальные методы управления и порождало перманентное чрезвычайное положение как у белых, так и у красных. Применение насилия должно было компенсировать слабости властных структур — параллелизм компетенций, господство чрезвычайных органов и нехватку организационных ресурсов. Как уже известно читателю, на Урале друг с другом и с гражданскими органами конкурировали ЧК, военно-революционные комитеты, боевые организации народного вооружения, армейские штабы — в красной зоне; органы государственной безопасности, комендатуры и военные суды — на белой. Военному коммунизму соответствовал «военный антикоммунизм» насильственных реквизиций на территориях, подконтрольных Колчаку. «Дыры» в управлении давали простор произволу, рождая на свет мелких местных тиранов вроде прапорщиков Борисова и Арбузова.

Однако очерк, завершающий повествование об усилиях современников революции по ее осмыслению, посвящен не столько практикам насилия времен революции и Гражданской войны на Урале, сколько тому, что участники и свидетели этих событий воспринимали как страшное. Ведь далеко не все насильственные действия воспринимались современниками как проявления ужасной, кошмарной жестокости. Ниже будет предпринята попытка ответить на следующие вопросы: какие проявления насилия их очевидцы (и жертвы, которым удалось выжить) маркировали как ужасающие и почему? насколько при описании

пугающей действительности они учитывали специфику практик сменявших друг друга режимов? какие объяснения проявлениям жестокости они находили? Ответы на эти вопросы позволяют уточнить механизмы привыкания современников Гражданской войны к жизни в антураже террора и определить техники примирения с практиками насилия в революционной России.

### **«...ТВОРИТСЯ ЧТО-ТО КОШМАРНОЕ, УЖАСНОЕ...»: НАСИЛИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СТРАХОВ**

Летом 1918 г. бывший надворный советник, инженер-технолог Н. Баландин, попав в сумятице первых дней после свержения советской власти в Екатеринбурге в местную комендатуру по подозрению в симпатиях к большевизму, обратился с заявлением на имя председателя Временного областного правительства Урала:

...в Екатеринбурге творится что-то кошмарное, ужасное, производятся массовые аресты якобы существующих большевиков по единичным доносам каждого, даже малолетнего ... для иллюстрации ... приведу краткое описание нескольких арестованных, содержащихся при коменданте города: безграмотная старуха 60 л., на которую донесено, что она сказала «старый порядок был лучше», слепой от рождения музыкант и настройщик, обвиняемый в секретарстве у большевиков по доносу двух мальчишек; бельгийский подданный, арестованный за какую-то неисправность в документах; офицер, бежавший от большевиков с частью своего эскадрона; я, инженер, прослуживший 20 лет на государственной службе, затем, после двухлетнего заведования снарядным заводом в Златоусте, выгнанный оттуда большевиками ... арестованный на почве сведения личных счетов<sup>129</sup>.

Осенью того же года на другом конце Урала произошел эпизод, свидетельствующий, что любой горожанин мог серьезно пострадать без всякой вины, став жертвой дурного настроения представителя новой гражданской или военной власти. 2 ноября 1918 г. в одну из кофеен Уфы — губернского центра, перешедшего в сферу влияния антибольшевистских сил, — зашел неизвестный господин в штатском платье и потребовал стакан кофе. Прислуга попросила оплатить заказ мелочью, так как в кассе разменной

монеты не было. Дело в том, что буквально накануне этого происшествия, 31 октября 1918 г., Государственный банк перестал разменивать в городе купюры: в связи с военными событиями из Уфы были эвакуированы кредитные учреждения<sup>130</sup>. Дефицит мелких денег вызвал спекуляцию ими и инциденты вроде изложенного ниже. Посетитель стал на повышенных тонах требовать подать ему кофе, заявив, что он «ничего не признаёт». Один из служащих кофейни, некто Лукин, попросил нервного гостя вести себя приличнее и подтвердил невозможность разменять предложенную неизвестным «керенку». Последний удалился в возбужденном состоянии, пригрозив Лукину расправой. И действительно, час спустя он вернулся в офицерской форме в сопровождении пяти солдат и приказал арестовать перепуганного служащего. Несчастного усадили в коляску, увезли к вокзалу, и, завязав глаза, отвели в товарный вагон, где велели раздеться. Лукину «всыпали» 20 «горячих» и отняли у него около 700 руб.<sup>131</sup>

Многое свидетельствует о том, что особенностью повседневной жизни на Урале в течение года, начиная как минимум с лета 1918 г., стала неизвестная до того времени незащищенность личной безопасности человека. В условиях смены режимов, непосредственной близости зоны боевых действий, введения военного положения и связанных с этим ужесточением контроля над гражданским населением и интенсификацией репрессивных мер по отношению к действительным и потенциальным врагам резко возрос риск человеческому существованию. Выходя утром из дома на службу или поиски пищи, люди не были уверены, вернутся ли обратно.

Многократная смена (или угроза смены) власти сопровождалась на Урале кризисом властных структур, который создавал простор для произвола и благоприятствовал эскалации насилия. Официальная реорганизация и чистка государственных учреждений сопровождались актами мщения на личной почве и стихийными расправами с различно интерпретируемыми виновниками народных страданий. Слабая власть пыталась компенсировать свою неэффективность в решении наиболее актуальных проблем демонстрацией силы, стараясь восстановить порядок насильственными мерами военного времени. В результате население как территорий, на которых советская власть была сметена антибольшевистскими режимами, так и тех частей Урала, где ей удалось удержаться, пережило две волны террора: летом — осенью

1918 и весной — летом 1919 г. До этого аналогичные расправы практиковались («в миниатюре») на территории Оренбургского казачьего войска в первой половине 1918 г. Хронологически обе полосы насилия были связаны с решающими периодами боевых действий и с переходами власти в регионе из рук в руки.

Первые волны массового большевистского террора захлестнули Оренбургскую губернию раньше других — в первой половине 1918 г., после первого изгнания из нее атамана А. И. Дутова. Не имея ни сил, ни желания выяснять степень лояльности мирного населения к советскому режиму, власти терроризировали его реквизициями, контрибуциями, уничтожением имущества, расправами или угрозами расправ, не разбирая, кто прав, кто виноват. Население Оренбуржья раньше других уральцев в полной мере вкусило все «прелести» пребывания на территориях, ставших ареной Гражданской войны. Вскоре, однако, выяснилось, что надежды жителей Урала, уставшего от большевистской манеры властвования, на более надежную перспективу были преждевременны.

Хаос, чреватый многими опасностями для жизни жителей, объял летом — осенью 1918 г. уральские губернии, переходящие под длань антибольшевистских правительств. Уходя из них, красногвардейцы немало постарались для дезорганизации жизни в городах и сельской местности. Так, в Уфимской губернии в июне 1918 г. исполнительный комитет Леузинского волостного совета крестьянских депутатов и штаб боевой организации вместе с красногвардейским отрядом покинули волость, «захватив с собой всю наличность денег, принадлеж[аш]их Леузинской волости, денежные книги и документы, весь июнь означенный отряд красногвардейцев ходил по селениям Златоустовского уезда, занимался грабежами, убийствами и всякого рода насилиями»<sup>132</sup>.

На территориях, оставшихся по крайней мере под официальным контролем Советов, жизнь населения была полна не меньших страхов, чем там, где они теряли власть. По мере изменения расстановки сил на Урале в пользу противника, действия большевиков по удержанию власти становились все более нервными и жестокими. Развивавшееся с весны 1918 г. и достигшее летом апогея крестьянское повстанческое движение подавлялось без всяких колебаний.

Чрезвычайно жестокими были, в свою очередь, расправы с представителями советской власти со стороны восставших

крестьян. Так, объявившиеся 14 июня 1918 г. в южной части Красноуфимского уезда Пермской губернии отряды башкирских повстанцев, по сообщениям современников, выкалывали глаза и выкручивали руки работникам советов и членам их семейств, рубили на части детей, спихивая живых и мертвых в общую яму, закалывали всех, кто отказывался присоединиться к их формированиям<sup>133</sup>.

Беззащитность населения перед лицом насилия продолжала быть доминантой повседневной жизни и в белой зоне Урала. Объясняя мотивы своей добровольной отставки в апреле 1919 г., главный начальник Уральского края С. С. Постников на первое место поставил произвол военных властей:

С восстановлением ст. 91 Устава о полевом Управлении войск, военные власти, от самых старших до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. *Незакономерность действий, расправы без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге»* (выделено в оригинале. — И. Н.), аресты по доносам, передавание гражданских дел военным властям, преследование по кляузам и проишкам, когда это проявляется на гражданском населении — начальник края может только быть свидетелем происходящего. Мне не известно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а гражданских лиц сажают в тюрьму по одному наговору. Уполномоченный по охране действует независимо от начальника края. То же и военный контроль<sup>134</sup>.

Установившаяся на Урале летом — осенью 1919 г. советская власть попыталась нейтрализовать и изолировать активных сторонников антисоветского режима. Как и по пришествии белых годом ранее, в их разряд мог попасть практически каждый житель территорий Урала, бывших в прошлом под контролем антибольшевистских диктатур. Не только сознательные противники большевизма, но и любой горожанин, добровольно или вынужденно поступивший на службу в одно из учреждений прежнего режима, любой крестьянин, при тех или иных обстоятельствах отдавший продовольствие белым властям или оказавшийся в рядах белой армии, становился потенциальной жертвой узаконенного террора. Достаточным основанием для огульных репрессий было и «нетрудовое» происхождение.

Насилием были с избытком пропитаны и реквизиционно-распределительные мероприятия, и мобилизационно-трудовые акции, и претворение в жизнь антирыночных мер. Террор венчал и время военного коммунизма, являясь оборотной стороной слабости большевистского режима и становясь единственным орудием ее иллюзорного преодоления.

Итак, внешних обстоятельств для того, чтобы жить было страшно, на Урале действительно было более чем достаточно не только в 1917–1919 гг., но и много позже. Опасности подстерегали жителей со всех сторон: каждый мог стать жертвой внезапной облавы, обыска, ареста. От неприятных неожиданностей не был застрахован никто. Однако относительно изощренной и адресной репрессивная политика могла быть только в городской черте. Слабая организованность и скудное обеспечение властей ресурсами и кадрами делали террор фактически единственным средством управления в сельской местности и придавали ему специфические черты: в деревне он был менее целенаправленным и регулярным, не отличался многообразием форм, осуществлялся наугад; и чем более слепым он был, тем большую жестокость и бесконтрольность приобретал.

## ОПИСАНИЯ УЖАСНОГО СОВРЕМЕННОКАМИ

Что же именно вызывало содрогание у (образованного) современника революции, в чем он видел проявления насилия и как он их объяснял? Во-первых, его ужас вызывали проявления бытового, эксцессивного, рассеянного и немотивированного насилия, которое трудно было предугадать и поэтому сложно было избежать. Оно было повсеместным и могло настигнуть каждого<sup>135</sup>. Так, автор стихотворного фельетона «Этапы», опубликованного в Оренбурге через две недели после триумфального возвращения атамана Дутова летом 1918 г., с долей иронии описывал произвол красных, главным аргументом которых — вне зависимости от наличия или отсутствия вины их жертв — стала мушка прицела:

Лишь одна в ходу игрушка —  
Будь ты прав или не прав, —  
Всюду «мушка», только «мушка»,  
Кроме «мушки» — нет забав<sup>136</sup>.



В этой же практике обвинялись и белые: например, в приведенной выше жалобе арестованного в Екатеринбурге инженера.

Во-вторых, интеллигентного современника революции понастоящему пугали проявления иррационального «озверения», «одичания» населения, что активно отмечала (уральская) пресса как минимум со времен революции 1905 г. Так, после погромных эксцессов в Оренбурге 18 октября 1905 г. рупор губернских властей, например, с горечью констатировал: «Наконец. Мы стали свободными. Вчерашние рабы, боявшиеся каждого полицейского, мы почувствовали в себе, увы, не человека, а зверя...»<sup>137</sup> В конце 1912 г. другая оренбургская газета писала о развитии преступности в регионе:

...эти картины человеческого зверства нам примелькались, и мы так с ними свыклись, так равнодушно стали относиться к этим ужасным явлениям, что каждый кошмарный факт сливается в нашей памяти с другими, менее значительными, и исчезает совсем<sup>138</sup>.

Наконец, когда в 1917 г. празднование 1 Мая в Троицке Оренбургской губернии вылилось в пьяный погром, пресса живописала отвратительные сцены пьяного разгула, объясняя их озверением:

Люди забыли свободу, люди забыли совесть и честь и великое светлое будущее. Как дикие звери, давя друг друга, казаки и солдаты, граждане и гражданки рвались за водкой. Хватали бутылки, четвертные, и тут же, выбивая пробки, пили из посуды и тут же валились... А пьяные садились на тела спившихся и об их головы ударяли бутылками, выбивая пробки... <...> Перепившиеся толпы граждан бунили на улицах... Пьяные казаки рубили друг друга, брат брата шашками<sup>139</sup>.

Риторический образ «зверства» оставался центральным для описания вражеского насилия по обе стороны фронта Гражданской войны, в том числе и по ее окончании. Так, по поводу казни 48 железнодорожных рабочих, расстрелянных в июне 1919 г. белым карательным отрядом на станции Вязовая Уфимской губернии, в воспоминаниях очевидца вскрытия их могил говорилось, что они были «замучены зверским образом»: на их

трупам были обнаружены следы сабельных ударов, переломы, штыковые и огнестрельные раны, следы ударов прикладами<sup>140</sup>.

В жителей сельской местности неоправданный, немотивированный террор также вселял возмущение и страх, но в его описании присутствует мотив не озверения (в основе которого с точки зрения образованных современников лежала народная «темнота» и «отсталость»)<sup>141</sup>, а несправедливости (в духе моральной экономии Э. Томпсона), связанной с выкачиванием из деревни всеми кому не лень продовольствия и рекрутов. Действия властей за пределами городов, в том числе и по окончании Гражданской войны, в период военного коммунизма и даже в начале новой экономической политики, воспринимались крестьянами скорее как набеги насильников, чем как меры государственного управления. Об этом свидетельствует содержание частной переписки уральцев. Так, летом 1920 г. военная цензура Пермской губернии перехватила письма с высказываниями следующего содержания:

[28.07.1920, Пермь]:

Вася, в Беляевке был отряд кр-цев по борьбе с дезертирством, человек в пятьдесят. Солдаты вели себя, как разбойники... напр., у одной женщины на глазах вытаскали в огороде табак, в другой деревне украли холст и еще много других нахальств и грабежей сделали они<sup>142</sup>.

[21.08.1920, Усольский уезд Пермской губернии]:

7-го августа был у нас отряд, разыскивали дезертиров. Эти отрядники испугали маму, взяли на печке своеручно суп и весь съели, и было вареное молоко для ребят — его съели и ничего не заплатили, и у собаки хвост отрубили шашкой<sup>143</sup>.

Как видим, восприятие насилия было социально и культурно обусловлено и имело свою специфику в разных средах. Насильственные изъятия продовольствия в деревне или расстрелы безоружных крестьян из пулемета вряд ли ужасали их исполнителей, а участие в общинных самосудах, превращавших мнимых преступников в кровавое месиво, могло восприниматься крестьянином или крестьянкой как восстанавливающая справедливость норма, менее кошмарная, чем своеручное поедание пришельцами супа или немотивированное отсечение собачьего хвоста.